

ЧЕРНИГОВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

1 ОКТЯБРЯ

№ 19.

1863.

Содержаніе: I. Высочайшія повелѣнія и распоряженія Святѣйшаго правительствующаго Синода.—II. Распоряженія епархіальнаго начальства.—III. Объявленіе.

I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СІНОДА.

По поводу представленія епархіальнаго начальства отъ 31 мая сего года о причисленіи николаевской церкви м. Почепа изъ 7 въ 6 классъ, указомъ св. синода отъ 15 іюня дано знать, что за распредѣленіемъ суммы, предназначенной изъ казны на жалованье духовенству, нѣтъ возможности назначить жалованье причту почепской николаевской церкви, и что поэтому св. синодъ опредѣлилъ оставить церковь эту попрежнему въ 7 классъ и съ прежнимъ окладомъ.

По поводу представленія епархіальнаго начальства отъ 5 іюня о назначеніи жалованья причту новоучрежденнаго прихода въ с. Разсухѣ мглин. у. указомъ св. синода отъ 15 іюля дано знать, что за распредѣленіемъ суммы на жало-

ванье духовенству, не усматривается нынѣ возможности дать означенному приходу жалованье, что поэтому св. синодъ опредѣлилъ: предоставить епархіальному начальству опредѣлить причтъ къ Разсужской церкви изъ священника и одного или двухъ причетниковъ, на содержаніе мѣстныхъ средствъ отъ прихода; причемъ присовокуплено, что ходатайство о назначеніи жалованья означенному причту будетъ принято св. синодомъ въ соображеніе тогда, когда представится возможность къ его удовлетворенію.

III.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Временно-обязанному крестьянину села Каменки новгородсѣверскаго у. Порфирію Щигорцу за-безъ извѣстною отлучкою первой жены его, и казаку с. Махновки борзенскаго у. Емельяну Сѣньки за ссылкой жены его въ каторжную работу дозволено вступить во второй бракъ.

Изъ дѣлъ о крещеніи евреевъ не рѣдко встрѣчаются недоразумѣнія, дѣйствительно ли просящіе св. крещенія евреи суть тѣ самыя лица, за которыхъ выдаютъ себя: поэтому черниговская консисторія вмѣняетъ въ обязанность духовенству черниговской епархіи требовать письменныхъ документовъ, напр: паспортовъ или свидѣтельствъ мѣстной полиціи, удостовѣряющихъ, что лица просящіе св. крещенія тѣ самыя, за которыхъ они выдаютъ себя.

Къ сиротѣ с. Кагарликовъ нѣжин. у. Григорію Яновскому опредѣленъ опекуномъ священникъ с. Крутовъ Федоръ Корноуховъ.

Священники: Илья Ливановъ перемѣшенъ въ с. Осколковъ, Тимофей Полонскій — въ Деремну, Лаврентій Нѣжинцовъ — въ Козляничѣ, Константинъ Шугаевскій — въ Заньки.

Дьячки и пономари: с. Знобы н-сѣверскаго у. Николай Симонтовскій рукоположенъ въ діакона на дьячковскую вакансію, Михаилъ Старогорскій 9 августа опредѣленъ дьячкомъ въ с. Лариновку, н-сѣверской воскресенской ц. Петръ Петровскій, с. Березанки Семень Тернавскій, с. Печей Данииль Барзиловичъ посвящены въ стихарь, с. Берестовца Мартиніанъ Корейша опредѣленъ дьячкомъ въ Архиповку на мѣсто отца, с. Березанки дьячекъ Николай Тернавскій по болѣзни уволенъ въ заштатъ, а его мѣсто зачислено за его дочерью Елисаветою.

Опредѣлены старостами: по нѣжинскому у. въ с. Куриловкѣ—капитанъ Андрей Рубанъ, Талалаевкѣ—дворянинъ Петръ Павловскій, Безугловкѣ—казакъ Антонъ Терещенко, Пашковкѣ—казакъ Иванъ Коть, Данинѣ—крестьянинъ Федоръ Сѣрикъ, м. Лосинкѣ—Юсифъ Еременко, Мокѣевкѣ—Трофимъ Моргунъ, Галицѣ—Иванъ Пуховець, м. Монастырищѣ—Николай Сухенко, тамъ же къ михайловск. ц.—Алексѣй Фурсъ, Заудайкѣ—Пантелеимонъ Лысогоръ, Андрѣевкѣ—Иванъ Клунокъ, Бакаевкѣ—Несторъ Бѣдненко, Дорогинкѣ—Яковъ Шадуръ, Коначевкѣ—Гордѣй Волущукъ, Кагарликахъ—Димитрій Македонъ, Крутахъ—Никифоръ Чабакъ, Крапивнѣ—титularный совѣтникъ Михаилъ Лосина, въ Сачковичахъ новозыб. у.—Григорій Зуевъ, Каменномъ Хуторѣ — того жъ у.—Ксенофонтъ Костюковъ, въ Пуховкѣ остер. у.—Тимоей Сулима.

Въ слѣдствіе отношенія черниговскаго епархіальнаго начальства о воспрещеніи евреямъ держать у себя христіанъ для постоянныхъ домашнихъ услугъ, начальникъ чернигов. губерніи отъ 30 августа увѣдомилъ, что на основаніи 2209—2211 ст. X т. о предупред. и пресѣч. преступ., губернское правленіе сдѣлало распоряженіе о воспрещеніи евреямъ держать у себя христіанъ для постоянныхъ домашнихъ услугъ.

—
Рапортъ благочиннаго 2 округа нѣжинскаго уѣзда священника Петра Огіевскаго.

Вѣдомства моего села Данины архидіаконо-степановской церкви прихожане—собственники, сознавая вполнѣ великость благодѣянія и милости любвеобильнаго Монарха нашего Государя Императора Александра II, пожертвовали въ приходскую ихъ церковь икону (въ сто двадцать рублей серебромъ) св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ большомъ деревяномъ, рѣзбою и позолотою украшенномъ кіотѣ, съ слѣдующею надписью: «икона сія сооружена усердіемъ крестьянъ—собственниковъ села Данины и деревни Шатуры въ знакъ благодарности и вѣрно-подданства Благодѣтелю нашему Государю Александру II». Въ верху сего кіота икона свят. Христова Николая, въ знакъ незабвеннаго памятованія въ Бозѣ почившаго императора Николая I. Въ тумбѣ кіота изображены: св. архангелъ Михаилъ и св. царица Александра; надпись подъ ними: «во свидѣтельство признательности и благодарности бывшему владѣльцу нашему князю Михаилу Павловичу Голицину и супругѣ его Александрѣ Васильевнѣ».

Представивъ 19 прошлаго іюня въ храмъ святой по-

жертвованную икону собственники, молитвенно преклонивъ предъ нею колѣна, благодарили Бога и Государя за дарованную имъ милость и тамъ же—въ храмѣ дали обѣтъ праздновать ежегодно 30 августа,—какъ день тезоименитства Благодѣтеля своего и Отца Государя Императора Александра II, и 19 февраля,—какъ день освобожденія своего изъ подъ крѣпостной зависимости.

III.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ разрѣшенія правительства учреждено въ городѣ Одессѣ общество подъ названіемъ: «Настоятельство одесскихъ болгаръ, собирающихъ пожертвованія по Имперіи для бѣдныхъ болгарскихъ православныхъ церквей и училищъ».

Назначеніе сбора пожертвованій слѣдующее:

а) Снабжать необходимыми потребностями православныя церкви болгарскія, гдѣ по бѣдности приходскихъ средствъ, окажется это необходимымъ.

б) Вспомоществовать существующимъ нынѣ училищамъ возможными средствами и содѣйствовать къ учрежденію новыхъ училищъ, помогая учредителямъ матеріальными средствами.

в) Заботиться объ образованіи, въ духѣ православія, способныхъ пастырей церкви и наставниковъ для училищъ.

г) Помогать, по мѣрѣ возможности, тѣмъ молодымъ болгарамъ, которые, по любви къ наукѣ, пріѣзжаютъ въ

Росію для образованія, стараюсь объ опредѣленіи ихъ въ такія учебныя заведенія, какія признаны будутъ соответствующими потребностямъ болгарскимъ, съ цѣлію употребленія ихъ на пользу своей націи.

д) Помогать лицамъ, занимающимся сочиненіями и переводами на болгарскій языкъ полезныхъ для народа книгъ, принимая мѣры къ изданію ихъ въ свѣтъ и къ распространенію въ Болгаріи.

е) Оказывать, въ чистыхъ видахъ челоуѣколюбія, по мѣрѣ возможности и при извѣстныхъ условіяхъ, временныя пособія нѣкоторымъ лицамъ изъ болгаръ, крайность положенія которыхъ достовѣрно будетъ извѣстна.

Статьи расходной сметы.	Наименованіе расходовъ.	Назначено на 1863 годъ.		Сроки выдачь.		
		Постоянныхъ.	Временныхъ и экстраординарныхъ.			
		руб.	к.	руб.	к.	
1	§ 4. Содержаніе архіерейскаго дома и кафедральнаго собора, въ томъ числѣ: Содержаніе епархіальнаго преосвященнаго . . . Собора, архіерейскаго штата и зданій архіерейскаго дома	914	85			Въ на-
		3735	6			
2	§ 5. Содержаніе мужескихъ монастырей: Черниговскаго елецкаго успенскаго	1114	39			чалъ

	Н - сѣверскаго преобра- женскаго	1114	39	
	Покровскаго единовѣр- ческаго	2475	—	
	Нѣжинскаго благовѣщен- скаго	746	81	
	Глуховскаго петропав- скаго	746	81	каж-
	Домницкаго р. богоро- дицкаго.	461	1	
	Козелецк. георгіевскаго .	460	44	
	Батурин. николаевскаго .	460	44	
	Пустино - николаевскому рыхловск. мон. пенсіи .	142	83	дой
	Содержаніе священника и причетника при церкви бывшаго ново-млинскаго монастыря изъ 3085 руб. назначенныхъ кіевобрат- скому монастырю . . .	19	53	
3.	Женскихъ монастырей: Единовѣрческаго максима- ковскаго троицкаго . .	457	14	половины
	Нѣжинскаго введенскаго .	284	22	
	Гамалѣевскаго р - бого- родицкаго	284	22	
4	На милостинное подаяніе мужескимъ заштатнымъ монастырямъ и пустыням: Монастырю: николаевск. пустыно - рыхловскому .	85	71	года.
5	Въ замѣнъ слѣдующихъ по положенію отъ казны угодій: Монастырю: максимаковск. троицкому дѣвичьему .	—	—	142 83

Въ слѣдствіе указа правительствующаго сената, черниговское губернское правленіе опредѣлило взимать въ пользу доходовъ типографіи: а) за помѣщеніе всякихъ частныхъ объявленій и извѣстій въ неофициальной части губернскихъ вѣдомостей, а равнымъ образомъ за напечатаніе всѣхъ вообще объявленій о назначеніи къ продажѣ всякаго рода имуществъ съ публичныхъ торговъ, за каждое объявленіе по три рубля съ пересылочными, и б) за напечатаніе казенныхъ объявленій, помѣщенныхъ въ официальной и неофициальной, и частныхъ—въ официальной частяхъ губернскихъ вѣдомостей, за каждое объявленіе по 1 р. 50 к., исключая названныхъ въ п. 5 ст. 14 т. I св. зак. правилъ объ обнародованіи узаконеній и распоряженій правительства.

Присоединены къ православію мѣщанка г. Чернигова Бранька Эрльехманова, м. Носовки Розалія Фридрихова, с. Омелянова остер. у. Марія Третьякова, чиновникъ канцеляріи г. губернатора Лаврентій Покладовъ.

Въ г. Глуховѣ отдаются въ оброчное шестилѣтнее содержаніе лавки и вѣси, принадлежащія соборной церкви.

Села Тростьянки борзен. у. діаконскій сынъ Стефанъ Головачевскій уволенъ изъ духовнаго въ свѣтское званіе.

Одобрено цензурою. Черниговъ, 23 Сентября 1863 г.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЧЕРНИГОВСКАГО ИЛЬИНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

ЧЕРНИГОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

1 Октября

1863.

Содержаніе: I. Связь русскаго раскола съ язычествомъ (окончаніе).—II. За-
мѣтки о современномъ.—III. Письма Лазаря Барановича.—
IV. Русскіе святые (1 л.).

I.

О СВЯЗИ РУССКАГО РАСКОЛА СЪ ЯЗЫЧЕ-
СТВОМЪ СЛАВЯНСКИМЪ.

(Окончаніе.)

Мы знаемъ наприм., что въ древней руси исключеніе слова «и огнемъ», неумѣстно стоявшаго въ молитвѣ на освященіе воды послѣ слова «водою», произвело страхъ и ропоть въ народѣ. То же самое случилось потомъ съ перемѣною хожденія посолонь, съ троеніемъ аллилуія, съ числомъ просфоръ, съ новыми богослужебными книгами и иконами и проч. и проч. Всѣ подобныя явленія раскола объяснялись обыкновенно невѣжествомъ толпы, при-
выкшей къ буквѣ и формѣ религіи (какъ будто эта буква и форма таковы были и въ самомъ своемъ первообразѣ)!.. и почитавшей какое-нибудь слово въ церковной книгѣ, какое-нибудь сложеніе перстовъ въ крестномъ знаменіи и

т. п. «акидохматъ великій премудрый». Но исключение слова «и огнемъ», хождение посолонь имѣли въ древней руси смыслъ противорѣчія миеологическому значенію огня и солнца, пріобрѣтшему въ понятіяхъ народа и религіозно-христіанское значеніе. Извѣстно, что во времена миеологическихъ вѣрованій огонь и солнце служили стихійными божествами. Съ тѣхъ поръ они должны были сохранять въ народѣ свою чарующую и волшебную силу. И въ XVII в., когда остатки старины получили особенный вѣсъ въ глазахъ народа, по обстоятельствамъ времени,—мы встрѣчаемъ дѣйствительно примѣры волхвованія и тѣмъ и другимъ. Такъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ этаго времени, въ описаніи свадьбы, говорится, что на ней «свѣщами со огнемъ волхвуютъ». Въ лѣчебникѣ рукописномъ того же самаго времени (по синод. рукоп. № 281) есть совѣтъ, что въ случаѣ «птица начнетъ доѣдать ниву, то павину кость носить ночью, обошедши ниву съ посолонья». То же самое совѣтуется опять въ № 481 на л. 124—125 въ рецептѣ, какъ хмѣль водить: «пошедши въ посолонь лицомъ». Въ Ивановъ и другіе дни до солнца ходили собирать травы, купаться и проч... Все это показываетъ, что въ древней руси существовало вѣрованіе, будто огонь, солнце, самое хождение посолонь имѣютъ врачевную и вообще священную силу. И такъ, когда велѣли вычеркнуть слово «и огнемъ»,—понятно, почему въ народѣ это могло возбудить суевѣрно-религіозный страхъ. Уничтоженіе слова «и огнемъ» въ молитвѣ церковной могло равняться, въ глазахъ суевѣрнаго народа, мысли объ истребленіи божинки огня въ землѣ русской. Что же касается до вопроса раскольниковъ о хожденіи посолонь, представляющагося

намъ безсмысленнымъ, какъ и многіе другіе, то когда при Никонѣ онъ былъ поднятъ, онъ не могъ казаться такимъ для народа, при его мифологической вѣрѣ въ священную и таинственную силу природы, такъ-что хождение въ церкви противъ солнца, тогда какъ встарину было иначе, являлось дѣйствіемъ неестественнымъ, ненормальнымъ и противурелигиознымъ. Мало того, самое внесеніе слова «и огнемъ» въ составъ молитвы, сопоставленіе его съ словомъ «водою», опять, обрядъ хожденія посолонь,— все это развѣ могло бы возникнуть, если бы не нравилось зараженной мифологическими представленіями мысли древнерусскихъ книгописцевъ и почему нибудь не были знаменательными для народа? Тутъ, т. е. въ этомъ собственно случаѣ, дѣйствовала не простая описка и невѣжество. Такъ какъ языческая религія связывала съ собою нѣкогда младенческий народъ въ одно цѣлое и составляла, такъ сказать, самую душу народа, самую культуру его,— остатки язычества, коренившіяся, какъ извѣстно, въ нравахъ и обычаяхъ народа въ періодъ христіанскій, представляли съ своей стороны тоже элементъ живой вѣры народной. Занесенныя въ наши времена въ видѣ разныхъ повѣрій, примѣтъ и проч., они даже и теперь не мѣшаютъ нашему простому народу оставаться существеннымъ образомъ въ предѣлахъ христіанства, хотя и представляютъ собою только такъ называемыя суевѣрія народныя (т. е. вѣру, значеніе которой теперь уже забыто народомъ). Но тѣмъ болѣе возможно было все это въ древней руси. Остатками язычества народъ могъ тогда не только оживлять для себя христіанство, механически и формально усвоенное, но и замѣнять его, или смотря по

обстоятельствамъ и случаямъ жизни религіозной, вносить ихъ въ составъ своей вѣры. Независимо отъ воли и даже нарочитаго желанія онъ могъ примирять элементы обѣихъ религій въ цѣльности своей непосредственной природы и жизни, въ общемъ значеніи религіознаго интереса для души и наконецъ въ свободномъ творествѣ фантазіи, не ограничиваемой и не направляемой никакимъ почти просвѣтительнымъ вліяніемъ...

Но обратимся опять къ фактамъ. Во всѣхъ почти сектахъ раскольничьихъ природа заступаетъ мѣсто строителя таинствъ и силы благодатной. Припавши къ землѣ, раскольникъ, напримѣръ, исповѣдуетъ ей грѣхи свои и придаетъ ей то значеніе, какое въ христіанствѣ составляетъ принадлежность міра духовнаго. Въмѣсто церковнаго вѣнчанія раскольники во многихъ сектахъ вѣнчаются во-кругъ ракитова куста или дуба... Неужели все это не есть языческое наслѣдіе?... Не нужно доказывать, конечно, какъ сильно вліяніе природы на человѣка простаго. Будучи связанъ съ нею своимъ существованіемъ, своимъ щастіемъ и бѣдствіями, онъ признаетъ часто самую свою зависимость отъ Бога дѣломъ природы, и наоборотъ, дѣло природы—дѣломъ Божиимъ. Потому-то и теперь самые древніе обычаи и преданія, сложившіеся подъ природною жизнію (въ періодъ міеологической), сохраняютъ въ народѣ наибольшую свѣжесть и завѣтность, какъ напримѣръ самая даже форма брака у раскольниковъ витебской губерніи, вѣнчающихся около священнаго озера. Эта форма буквально удерживаетъ самые древніе черты обряда языческаго брака славянъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ такъ: «брака у нихъ не бываше, но умыкиваху дѣвица у воды».

Послѣ этаго, понятно также будетъ, почему въ расколѣ до сихъ поръ нравственная чистота тѣла—цѣломудріе остается въ полнѣйшемъ пренебреженіи, не только въ массѣ народа, но и въ обитателяхъ скитовъ—инокахъ. Чувственность, пренебреженіе брачною жизнію, развратъ, — все это слѣды грубаго язычества славянскаго, которое чуждо было всякой идеи цѣломудрія. Эти слѣды не могли быть истреблены христіанствомъ, не проникнувшимъ во внутренность древне-русской народной жизни, въ семейные нравы. При митрополитѣ Іоаннѣ народъ, играя свадьбы по языческимъ преданіямъ, думалъ о церковномъ вѣнчаніи, что оно нужно только боярамъ и князьямъ. Церковь съ своими началами была среди этаго младенческаго народа не болѣе, какъ хижина въ вертоградѣ...

Г. Шаповъ, изображая въ своемъ сочиненіи религіозно-нравственное состояніе народа въ XVI и XVII вѣкахъ, называетъ его мертво-обрядовымъ и упрекаетъ въ подобномъ направленіи также самый расколъ. Надо сказать совершенно напротивъ.

О религіозномъ состояніи древней руси собственно и нельзя сказать, чтобы оно было мертво-обрядовымъ, потому что тогда въ народной жизни, незнакомой еще ни съ какими рефлексивными идеями, должно было лежать и дѣйствительно лежало гораздо болѣе жизненнаго элемента религіознаго, чемъ сколько думаютъ обыкновенно, судя по слабому развитію въ немъ собственно христіанскихъ идей и началъ. Если г. Буслаевъ думаетъ также, что «обществу свѣжему, не испорченному роскошью цивилизаціи, каково должно было оно быть въ древней руси, слѣдовало бы быть благочестивѣе, если бы русскій народъ

въ старину дѣйствительно отличался истиннымъ религіознымъ настроеніемъ» (соч. Буслаева, т. II, стр. 70),— то съ нимъ можно согласиться только вполнину, и именно въ отношеніи къ одной христіанской жизни, которая соотвѣтствовала своей идеѣ только въ немногихъ. Большинство спасалось въ простотѣ сердца и потому не могло вывести своего усвоенія христіанства за предѣлы его обрядовой стороны. Оно питало духъ свой обрядностію потому, что она одна была наиболѣе доступна ему и наиболѣе удовлетворяла его младенческимъ и простымъ потребностямъ души. Но что касается до религіознаго чувства и энтузіазма въ дѣлахъ вѣры, то они всегда были живыми и сильными въ народѣ русскомъ. Самое обрядовое направленіе въ этомъ случаѣ, какъ практическое выраженіе религіозности и набожности, служить доказательствомъ жизненности религіознаго чувства, а не упадка и оскуднѣнія его...

Но было въ древней руси и то, что въ самомъ дѣлѣ можно назвать мертво-обрядовымъ направленіемъ христіанства. Это направленіе составляло принадлежность не народа, а высшихъ сословій. Не смотря—на патриархальность отношеній между лицами высшаго и низшаго сословій, существовавшую въ древней руси,— между ими обѣими находилась страшная пропасть внутренняго, духовнаго раздѣленія. Оно обнаруживалось постоянно и въ отношеніи къ обрядности и практикѣ религіозной. Тогда какъ народъ, привязавшись къ извѣстной долѣ обряда и буквѣ религіи и не имѣя возможности отдавать себѣ отчетъ во всемъ томъ, что вообще приносилось въ составъ его жизни религіозной, долженъ былъ забывать и утрачивать многія коренные обряды и даже таинства церковныя, на-

примѣръ таинство брака и покаянія, не укладывавшіяся въ рамки его простой и грубой жизни,—высшее общество русское, которому спокойная и обеспеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла располагать временемъ по произволу, согласовало домашній образъ жизни съ богослужебнымъ порядкомъ и въ этомъ отношеніи дѣлало его похожимъ даже на монашескій (см. соч. Костомарова— очерки жизни и нравовъ русскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ)...

Такимъ образомъ, когда идетъ рѣчь о расколѣ, о его безсмысленной обрядности, объясняемой многими изъ мертво-обрядоваго направленія, существовавшаго будто бы въ древне-русскомъ народѣ,—то нужно отличать его обрядность отъ обрядности вышихъ сословій древней руси. Во всѣхъ проявленіяхъ раскола, гдѣ народъ безсмысленно стоитъ за самыя пустыя обрядовыя мѣлочи и тонкости, нельзя видѣть собственно ни обрядоваго направленія, ни обрядоваго раскола, а просто уродливое искаженіе христіанства, возведенное въ «дохмать великій премудрый»...

Укажемъ еще на одну черту раскола, напоминающую собою нѣчто въ родѣ остатковъ язычества славянскаго. Когда расколъ обособился въ отдѣльную религіозную общину, съ тѣхъ поръ въ немъ іерархическое начало не получало и не получаетъ никакого почти развитія и только въ послѣднее время въ немъ появилась своя іерархія на подобіе іерархіи православной церкви (см. статью въ русск. вѣстн. 1863 г., за апрѣль и май,—«раскольничьи архіереи»). Причиною этаго была съ одной стороны трудность заимствованія готовыхъ священниковъ изъ среды православной церкви, а съ другой,—перевѣсъ роли жожа-

тыхъ раскола, соединявшихъ въ себѣ, по свойству представительства въ протестъ противъ церкви, инициативу ученія и богослужебной практики. Раскольниковская община рѣшила въ крайности, что въ дѣлѣ религіи всѣ святы и потому нѣтъ надобности въ нарочитыхъ священныхъ лицахъ...

Разсматривая расколъ съ этой стороны, нельзя не замѣтить въ немъ также слѣдовъ вѣры во внутреннее обладаніе божественною силою, существующее будто бы у каждаго человѣка, у одного въ меньшей, а у другаго въ большей степени,—вѣры, которая была отличительнымъ качествомъ славянскаго язычества. Эта младенческая вѣра, дававшая мѣсто въ религіозной жизни представителю семейства, знахарю, вѣдуну или вѣдомѣ, волхву, кудеснику, богатырю, не допустила въ эпоху миѣологіи славянской выдѣлиться жреческому сословію и образовать храмовой и вообще церковно-общинный культъ. Остатокъ подобнаго взгляда на личность человѣка, скрытно сохранявшаго свое миѣическое значеніе въ древней руси въ силу принципа гражданскаго и религіознаго правленія, которое началось со времени водворенія на руси княжеской власти и христіанства,—проглядываетъ долго въ древне-русскомъ христіанскомъ міровоззрѣніи. Личность человѣческая долго ставилась продолженіемъ эпико-легендарнаго процесса народной фантазіи въ миѣологическое положеніе богатырства, знахарства и удалства, такъ—что, напримѣръ, когда появлялись разные политическіе и церковные самозванцы, народъ видѣлъ въ нихъ, по своему старинному эпико-миѣологическому взгляду, не простыхъ смертныхъ, а отмѣченныхъ Божіимъ призваніемъ и силой героев. Народъ

любилъ нравственный или физическій героизмъ, обожалъ его, увлекался имъ, — потому что вѣрилъ въ его сверхъ естественное значеніе и происхожденіе. При случаѣ онъ ставилъ его даже выше законной гражданской или церковной власти, вовсе не думая этимъ дѣлать униженія чистотѣ и предлежательной довлѣмости христіанскаго закона и общественнаго устройства.

III.

Слѣды язычества доселѣ еще живутъ въ расколѣ, не смотря на свою явную несообразность съ христіанскимъ характеромъ раскольнической общины. Эти слѣды составляютъ памятникъ вліянія язычества на христіанство древне-русское и фактическое доказательство происхожденія раскола изъ этого вліянія. Остановимъ на нихъ вниманіе, такъ какъ сами раскольники забывшіе объ историческомъ значеніи остатковъ язычества въ своихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, считаютъ ихъ за особенную премудрость и драгоценность своей вѣры.

Въ сектѣ молоканъ до сихъ поръ продолжаютъ свое существованіе слѣды хороводнаго способа богослуженія, составлявшаго характеристическую черту славянскаго культа. У славянъ, какъ извѣстно, въ честь общихъ стихійныхъ божествъ, на примѣръ сварожича, перуна, стрибога и проч., совершались всенародныя праздненства, на которыхъ между прочимъ народъ составлялъ хороводы, пляски и пѣлъ при этомъ пѣсни. Въ этомъ и состоялъ культъ языческой, называемый хороводнымъ. Утративши свои мифологическія черты и содержаніе, этотъ культъ дошелъ до нашихъ временъ въ расколѣ, и именно въ молоканъ

скихъ «радѣніяхъ». Молокане, собравшись въ избу, назначенную для богослуженія, начинаютъ свои моленія чтеніемъ и пѣніемъ, потомъ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, начинаютъ бѣганье и пляску, и соединившись въ хороводъ, продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока не истомятся и не дойдутъ до нѣкоторой степени изступленія, среди котораго кто нибудь изъ нихъ почувствуетъ вдругъ вдохновеніе, выдаваемое за пророческое, и станетъ учить. Подобныя радѣнія, перешедшія у хлыстахъ въ форму битья другъ друга священными жгутиками, въ прыжки и кривлянья, сопровождаются такими пѣнями, которыя скорѣе напоминаютъ народныя публичныя игры, чѣмъ собственно богослуженіе.

У пермскихъ раскольниковъ до сихъ поръ держится древнее мифологическое представленіе о томъ, что Богъ сотворилъ землю изъ песку, а песокъ этотъ досталъ сатанаилъ со дна морскаго, — что тѣло человѣка сотворено отъ семи частей: отъ камня кости, отъ чернаго моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли, отъ вѣтра дыханіе, отъ духа теплота. Въ одной рукописи пермской семинаріи, извѣстной также у томскихъ старообрядцевъ, подъ названіемъ «Христовъ дневникъ», — содержится это космогоническое преданіе, объясняющее происхожденіе міра. Сатана или сатанаилъ является здѣсь въ видѣ птицы гоголя, которая имѣла у древнихъ славянъ мифологическое значеніе. Вотъ это преданіе. Когда не было ни неба, ни земли, было одно море тиверіадское. На этомъ морѣ плавалъ гоголь. Богъ велѣлъ гоголю достать со дна моря два камня. Гоголь досталъ, Богъ началъ бить камень о камень: отъ искръ, вылетѣвшихъ изъ камня, авились ангелы. Го-

голь также ударилъ камень о камень и у него явились свои ангелы—десятый чинъ, его собственный. Далѣе—гоголь этотъ снесъ яйцо, на этомъ яйцѣ отразился Богъ—второе лице. Богъ велѣлъ принести гоголю пять земель, гоголь принесъ, и изъ нихъ Богъ сотворилъ человѣка. Сотворивши человѣка Богъ скрылся: дьяволъ воспользовался этимъ случаемъ и сотворилъ людей уродливыхъ. Богъ прогнѣвался на сатанаила. Между Богомъ, сатанаиломъ и ихъ ангелами была брань. Наконецъ Богъ побѣдилъ сатанаила, отнялъ у него *илъ* и отдалъ его вождю своего небеснаго воинства *Михъ*. Такимъ образомъ стали двѣ враждебныя силы—сатана и Михаилъ» (прав. соб. 1861 г. мартъ, стр. 261). Это преданіе составляетъ отрывокъ изъ древнихъ гностико-богомильскихъ и манихейскихъ апокрифовъ, перешедшихъ въ Россію изъ Болгаріи и Греціи въ періодъ отъ водворенія христіанства на руси до XIII и XIV вѣка. Въ немъ отражается сказаніе о собраніи Богомъ птицъ для содѣйствія ему въ твореніи рѣкъ и озеръ,—сказаніе, очевидно, напоминающее космогоническое значеніе тѣхъ или другихъ птицъ въ миеологическомъ міросозерцаніи разныхъ народовъ, — и гностико-богомильскій дуализмъ, дающій сатанѣ, какъ диміургу, участіе въ твореніи на ряду съ Богомъ. Этотъ гностико-богомильскій дуализмъ такъ глубоко вкоренился въ народныя понятія, что составляетъ донинѣ даже нравственно-догматическую основу міровоззрѣнія нѣкоторыхъ раскольническихъ сектъ, напримѣръ секты бѣгуновъ, которая раздѣляетъ весь міръ на два царства—Божіе и сатанино... Но не говоря объ остаткахъ гностико-богомильскихъ апокрифическихъ мнѣній въ расколѣ, замѣтимъ соб-

ственно объ остаткахъ въ немъ языческихъ представленій о твореніи самомъ. Это твореніе міра изъ песку посредствомъ птицы есть вѣрованіе миѳологическое. Оно составляетъ остатокъ самаго древняго зооморфизма славянскаго. По идеѣ этаго зооморфизма самая кончина міра, какъ и начало его, будетъ зависѣть отъ птицы. По крайней мѣрѣ извѣстно, что у нѣкоторыхъ раскольниковъ сохранилось преданіе объ одной птицѣ, нарисованной на одномъ старинномъ произведеніи живописи, будто кончина міра настанетъ въ то время, когда эта птица запоетъ. По всей вѣроятности это преданіе соединяетъ въ себѣ миѳологическій смыслъ и состоитъ въ связи съ означеннымъ языческимъ преданіемъ о происхожденіи міра. Въ одномъ «двѣтницѣ», отобранномъ у пермскихъ раскольниковъ, находится между прочимъ такое преданіе касательно выбора пищи: «не ясти ни голубя, ни воробья». (Обозр. пермск. раск. стр. 195). Все это, очевидно, слѣды глубоко древнихъ вѣрованій и суевѣрій народныхъ.

Въ св. пасху раскольники приходятъ на могилы своихъ единовѣрцевъ съ кадильницами и яйцами по христоваться. Эти поминки совершаются также въ домахъ во вторникъ Фоминой недѣли. Касательно этихъ поминокъ у раскольниковъ есть вѣрованіе, будто бы умершіе разговляются въ это время предъ столомъ во время молитвы. (Обозр. пермск. раск. стр. 165). Это вѣрованіе тоже есть остатокъ язычества и именно того миѳологическаго представленія славянъ о загробной жизни, по которому связь умершихъ душъ считалась непрекъщавшею со смертію и по которому у нашихъ язычествовавшихъ предковъ считалось долгомъ приносить на могилы умершихъ

разные съѣстные припасы напримѣръ блины и кашу, — равно какъ и ставить что нибудь съѣдомое на ночь въ печкѣ или за печкой для домоваго дѣдушки (духа умершаго родоначальника). Вообще въ представленіяхъ раскольниковъ, точно также какъ и древнихъ язычниковъ русскихъ, душа человѣческая обладаетъ вещественнымъ качествомъ, по которому живетъ и дѣйствуетъ въ здѣшнемъ мірѣ не только въ связи съ тѣломъ, но и послѣ смерти его. Въ силу этого качества она по смерти тѣла можетъ оставаться нѣсколько времени на землѣ, избирать себѣ мѣсто для обитанія, такой или иной родъ дѣятельности, такую или иную сферу существованія планетнаго, — или же, удалившись даже изъ предѣловъ міра земнаго, опять по временамъ возвращаться въ него. Подобный пластическій взглядъ на душу соединялъ даже первый расколоучитель—Аввакумъ. Онъ прямо называлъ душу человѣческую «тѣлесовидною» и «плотовидною» (прав. соб. 1858, 2, стр. 130). Подобное представленіе, и притомъ уже какъ остатокъ древняго міеологическаго вѣрованія, проглядываетъ и въ ученіи духоборцевъ о переселеніи душъ въ людей и даже животныхъ.

Въ расколѣ мы до сихъ поръ можемъ видѣть также остатки волхвованія религіей. Такъ напримѣръ въ сектѣ людей Божіихъ, во время такъ называемыхъ чрезвычайныхъ радній, раскольники выкапываютъ подь поломъ моленной комнаты большую яму, прикрѣпляютъ надъ ней къ полу рѣшетку и надъ рѣшеткой ставятъ круглый чанъ, наполненный свѣжей водой и освѣщенный восковыми свѣчами. Вокругъ этаго чана совершается среди ночи, подь руководствомъ пророчицы, мистерія, состоящая въ битыи

другъ друга жгутиками и въ хороводной пляскѣ или радѣніи. Цѣль подобныхъ чрезвычайныхъ радѣній—или помолиться о комъ нибудь изъ членовъ общества и узнать будущее, или отвратить бѣдствіе цѣлой общины. Потому согласно этой цѣли люди Божіи берутъ на домъ воду изъ чана съ извѣстными церемоніями, а также вербу или жгутикъ священный, если на немъ окажутся слѣды крови,— и огарки свѣчей, горѣвшихъ на чанѣ. Всѣми этими вещами они лѣчатся во время болѣзней и сохраняютъ ихъ до смерти какъ святыню, а послѣ смерти огарки свѣчей и вербу, унесенныя съ чрезвычайныхъ радѣній, кладутъ во гробъ. Подобное волхвованіе религіей у людей Божіихъ дѣлается также и во время годовыхъ радѣній (прав. соб. 1858, 2, стр. 401—404). У нихъ совершаются даже настоящіе мистеріи,—каково, напримѣръ, приобщеніе тѣломъ и кровью груди, отрѣзываемой у живой дѣвушки во время нарочитаго ночнаго сходбища, или же свальный грѣхъ,—мистеріи, очевидно, доказывающія то, что въ расколѣ живеть духъ самаго грубаго язычества, сросшагося съ внутреннею жизнію раскольниковъ и вошедшаго въ самую сущность ихъ религіозной практики и воззрѣнія....

Вообще разсматривая расколъ съ его фактической стороны, можно прійти къ тому убѣжденію, что хотя это есть вѣра христіанская, но вѣра младенческая, вѣра безъ знанія, въ которой полиецически—религіозное олицетвореніе силъ и стихій природы, мифологическая теогонія и космогонія и наконецъ остатки самаго культа языческаго помѣстились на ряду съ представленіями и началами христіанскими.

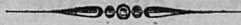
И такъ, что такое расколъ? Мы видѣли, что это есть искаженіе христіанства, происшедшее въ древней руси подъ вліяніемъ остатковъ язычества славянскаго и продолжающее свое существованіе въ формѣ вѣроисповѣданія. Можетъ быть этнографико-историческія изслѣдованія покажутъ, что наши сужденія о расколѣ такъ или иначе незрѣлы и неполны. Но мы думаемъ, что во всякомъ случаѣ гораздо основательнѣе будетъ смотрѣть на расколъ со стороны связи его съ язычествомъ, чѣмъ съ точки зрѣнія лѣтописно-исторической или догматико-полемической, доселѣ господствующихъ въ литературѣ. Эти точки зрѣнія не даютъ существеннаго понятія о расколѣ и служатъ только источникомъ безпрестаннаго повторенія избитыхъ и мертвыхъ фразъ о немъ.

Но если расколъ есть такое историческое явленіе, которое слагалось вѣками, которое произошло процессомъ вліянія остатковъ язычества на христіанство, — можно ли обвинять его такъ строго, какъ обвиняютъ до сихъ поръ? Расколъ не опасенъ для церкви православной, потому что онъ не есть какое-нибудь вѣроисповѣданіе, враждебное по своимъ началамъ духу и ученію православія. Расколъ есть заблужденіе, обскурантизмъ религіозный, который рано или поздно долженъ будетъ самъ сознать свою внутреннюю несостоятельность...

Опять, если расколъ есть явленіе обскурантизма религіознаго, — можно ли нападать на патріарха Никона за то, что онъ не смягчалъ своихъ мѣръ при очищеніи отъ него русской церкви, когда она вся была въ опасности

подвергнуться ему? Никоиъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ, напротивъ, заслуживаетъ полной справедливости и одобренія, потому что онъ понялъ свое историческое назначеніе и исполнилъ свою великую церковную роль. Своими энергическими мѣрами онъ спасъ православіе русской церкви, спасъ вѣру отъ дальнѣйшаго погруженія въ вулгаризмъ, которое можетъ быть сдѣлалось бы въ послѣдствіи слишкомъ опаснымъ для церкви...

Монзюлевскій.

II.

ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ.

а) *О черниговскомъ теремѣ.* Лѣтописи не разъ упоминають о теремѣ черниговскаго спасскаго собора. Но гдѣ онъ находился? Полагали, что высокая башня, стоящая на сѣверозападномъ углу спасскаго собора есть теремъ лѣтописей. Въ основаніе этой мысли полагали то, что въ прошломъ столѣтіи при обновленіи собора, по случаю, пробивая внутреннюю стѣну башни, нашли внутри стѣны кости усопшихъ. Но въ этомъ случаѣ въ радости о нечаянномъ открытіи забывали подумать о томъ, что сѣверозападная башня черниговскаго собора рѣшительно ничего не имѣетъ похожаго на теремъ ни московскаго Кремля, ни какаго либо другаго; это—башня и ничего болѣе. Въ последнее время очищали около собора землю для того, чтобы осушить стѣны сыраго собора, дотолѣ закрытаго землею на аршинъ выше цоколя. И вотъ при этой работѣ на южной сторонѣ, по всей длинѣ его, оказались каменные фундаменты древняго каменнаго зданія, состоявшаго, какъ видно по линіямъ фундаментовъ, изъ нѣсколькихъ зданій. Восточная половина этого зданія, безъ сомнѣнія, была храмомъ; а западной половинѣ, пересѣченной стѣной трудно и придумать какое либо назначеніе, если только не

согласимся, что все это южное зданіе было *теремомъ* лѣтописей. При такой мысли о южномъ зданіи собора вполне понятными становятся слова лѣтописи, когда говорятъ онѣ, что мощи благовѣрнаго князя Игоря Олеговича, перенесенныя изъ Кіева положены были въ теремъ черниговскаго спасскаго собора. О Черниговѣ и его спасскомъ соборѣ съ теремомъ недавно напечатана особая книжка, гдѣ и изслѣдованія по синодикамъ о черниговскихъ князьяхъ, которыя не мало поваго сказали о почтенной древности.

б) *Еще зверства ляховъ.*

Въ маѣ, пишетъ литовець, шайка мятежниковъ напала на священника Феодора Стрешкевича, въ с. Деревнѣ, кобринскаго уѣзда, гродненской губерніи, и насильно увела его съ собой изъ дому, предварительно завязавъ ему глаза. Въ такомъ положеніи они завезли его за нѣсколько миль отъ дома. Здѣсь, какъ рассказывали, угрожая ему разстрѣляніемъ и даже опредѣляя минуты и секунды совершенія самаго акта, ограничились только нѣсколькими выстрѣлами надъ его головой. И это для страху, какъ выражались поляки и знавшіе объ этомъ поступкѣ своихъ единомышленниковъ съ православнымъ священникомъ?! Наконецъ, вдоволь наругавшись надъ нимъ, бросили его въ лѣсу среди неизвѣстной мѣстности. Или же вотъ новый случай: 27-го мая инсургенты напали на домъ священника Луки Кунаховича въ с. Великоритѣ, брестскаго уѣзда, гродненской губерніи, съ намѣреніемъ убить его. Къ счастью, священникъ успѣлъ тайкомъ уйти изъ дому въ церковь, гдѣ пробылъ нѣсколько часовъ. Отселѣ онъ отправился въ Брестъ тайнымъ путемъ. Предоставляемъ самимъ читателямъ вообразить, что чувство-

валь, — мыслилъ этотъ человѣкъ, спасая свою жизнь, идя по мѣстности весьма небезопасной въ настоящую пору, постоянно находясь въ страхѣ потерять свою жизнь, среди ужасныхъ страданій, безъ свидѣтелей, оставя далеко за собой жену и дѣтей? Да, есть надъ чѣмъ задуматься и потосковать сердцемъ. Но посмотримъ, — что дѣлаютъ мятежники въ его домѣ. Они обшарили все углы, разбили замки, хотѣли было ворваться въ церковь, и уже почти совершенно разбили двери. Но неизвѣстно почему остановили свой разбойничій подвигъ, а, если бы они пробрались въ церковь, тогда участь о. Кунаховича была бы рѣшена; онъ тогда былъ еще въ церкви. Ни нашедши нигдѣ, своей жертвы, они приступили къ женѣ священника, чтобы она открыла гдѣ мужъ, угрожая въ противномъ случаѣ повѣсить ее и сжечь домъ. Но она съ твердостью отвѣчала, что не знаетъ этого, что мужъ уѣхалъ въ приходъ, и до сихъ поръ еще не возвращался, а потому участь его ей неизвѣстна. Неудача раздражила ихъ; они постановили во чтобы то ни стало рано или поздно излить свою злобу и месть надъ о. Кухановичемъ. Отселъ они отправились на село и тамъ одного крестьянина повѣсили, а другаго — старшину плетями сбъкли до костей, *посылая избитое тѣло пескомъ*. Таже шайка повѣсила другаго человѣка въ д. Вѣтошкахъ, около Бреста. Это было такъ: мятежники расположились въ лѣсу. Туда поѣхало нѣсколько крестьянъ за дровами, не зная, что встрѣтятъ тамъ незваныхъ гостей. Увидя опасность, крестьяне бросились назадъ. Одинъ изъ нихъ потерялъ топоръ, который былъ поднятъ польскимъ патрулемъ и представленъ какъ знакъ, что мужикъ хотѣлъ его убить. Тотчасъ отря-

дили до 30 инсургентовъ повѣсить мужика. Но его уже не поймали, и пришедши въ село, искали виновнаго. Въ то время одинъ крестьянинъ копалъ яму, чтобы туда схоронить нѣкоторыя вещи; въ лѣсу онъ не былъ. Одинъ изъ изувѣровъ указалъ на него какъ на виновнаго въ покушеніи на жизнь повстанца, — и его повѣсили. Говорятъ, что несчастный долго обнаруживалъ признаки жизни, поэтому мятежники добивали его и тягали за ноги, чтобы повѣшенный скорѣе скончался. Еще представимъ одну изъ многихъ вѣсть, которую мы знаемъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Недавно повстанцы занимали нѣсколько дней мѣстечко Свислочь, волковискаго уѣзда, гродненской губерніи, которое они ограбили совершенно. Въ то время пострадалъ и священникъ Гомолицкій; у него отняли двѣ лошади и другія вещи, и надъ нимъ самимъ много издѣвались: только слезныя, и колѣноприклоненныя просьбы жены и дѣтей избавили его отъ худшей опасности. Но представленные примѣры—это малость въ сравненіи съ тѣмъ, что причинили и причиняютъ повстанцы жителямъ въ нашемъ краѣ. Вотъ злодѣйства, которыми запечатлѣнъ всякій шагъ повстанцевъ! Не находя себѣ ни гдѣ спокойнаго пристанища, гонимые изъ лѣса въ лѣсъ, изъ болота въ болото, они вымещаютъ свою злость на мирныхъ и беззащитныхъ жителей края—преимущественно народѣ и отчасти духовенствѣ, не поддающихся ихъ лживымъ и пустымъ обѣщаніямъ и прокламаціямъ и свято исполняющихъ свои прямыя обязанности; стараются держать ихъ въ постоянномъ страхѣ, употребляя всевозможныя іезуитскія средства, лишь бы достигнуть своей цѣли и замкнуть уста. Надписи на церковныхъ стѣнахъ въ родѣ

слѣдующей: «будь за нами, иначе пуля въ лобъ» угрозы, письма къ священникамъ, съ общаніемъ повѣсить или разстрѣлять ихъ, сдѣлались уже вѣщю почти обыкновенною. Нѣчего говорить читателямъ, въ какое безпокойство и даже отчаяніе повергають самыхъ получателей и ихъ семейства подобныя продѣлки польскихъ агитаторовъ. Да и какъ же не горевать, когда эти люди дѣйствуютъ изъ за угла—по разбойнически, когда доказали свое изувѣрство на дѣлѣ? Положимъ, нашимъ православнымъ священникамъ нѣчего бояться; они за себя нестоятъ; таково ихъ призваніе въ здѣшнемъ краѣ; такъ: по крайней мѣрѣ, многіе священники говорятъ, и говорятъ съ убѣжденіемъ; но нужно не забывать, что они мужья и отцы, имѣютъ женъ и дѣтей; развѣ не больно для сердца одно воспоминаніе, что рука убійцы можетъ отнять у семьи милаго отца, и такимъ образомъ разрушить щастіе семейства? Да есть изъ зачего поговорить и погоревать, особенно въ настоящее время, когда духъ ненависти къ православнымъ вообще, и къ священникамъ въ особенности, сдѣлался повсемѣстнымъ явленіемъ въ польской шляхтѣ и возгорѣлся болѣе обыкновеннаго ¹. Само собою разумѣется, что такое расположеніе польскаго населенія края къ православному духовенству, не остается безъ вліянія, впрочемъ благотворнаго, на это послѣднее. Оно теперь болѣе и болѣе сдружается съ людьми, которые давнымъ давно искренно ищутъ его дружбы, которые въ лицѣ священника всегда видѣли и видятъ ангела хранителя, защитника въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Нѣчего грѣха таить.

¹. Преимущественно эта ненависть падаетъ на молодыхъ священниковъ.

Нѣкоторая часть духовенства нерѣдко ошибалась на счетъ своего высокаго назначенія, — не оправдывала этихъ надеждъ народа, народа грубаго и необразованнаго, но помнящаго свою прежнюю судьбу и то время, когда оба эти дѣятеля на своихъ раменахъ дружно выносили все невзгоды! Конечно, тутъ есть свои мѣстные причины. А между тѣмъ, пользуясь этимъ, наши недруги старались сѣять вредные плевелы въ нашемъ простонародіи. Теперешнія волненія обнаружили то, что совершалось тайно, іезуитскимъ путемъ, показали настоящее положеніе дѣла, показали кто у кого остался въ долгу. Въ этомъ отношеніи настоящіе смуты благодѣтельны. Урокъ данъ. Дай Богъ, чтобъ все воспользовались этимъ урокомъ. Пускай для насъ, духовныхъ, любовь и признательность нашего роднаго и единокровнаго народа будетъ выше всего; — выше похвалъ и любезныхъ отзывовъ чуждой намъ по духу польской шляхты. Должно всегда помнить то, что нашъ народъ слишкомъ зорко слѣдитъ за своимъ «батюшкой»; если онъ замѣчаетъ, что священникъ съ помѣщикомъ, или, какъ народъ говоритъ, «ляхомъ» находится слишкомъ въ близкихъ отношеніяхъ, — этого одного довольно, чтобы потерять у него довѣріе, которое ужъ трудно возстановить. Но говоря такъ, мы не проповѣдуемъ ненависти къ сосѣдямъ — помѣщикамъ; сохрани насъ Богъ! Долгъ христіанина обязываетъ всякаго, тѣмъ болѣе пастыря церкви, жить со всеми въ мирѣ и согласіи; мы только желаемъ искренняго сближенія съ нашимъ простонародіемъ — пріобрѣтенія нашему духовенству полнаго его довѣрія. Когда это совершится, — что дай Богъ скорѣе увидѣть, — тогда мы все будемъ сильны и вещественно и морально. Да

извинить нашъ читатель,—мы немножко заговорились. По неволѣ заразъ представили два факта изъ нашей народной жизни и отраднѣй, и горькѣй. Но какъ ни противоположны эти факты по своему характеру, они приводятъ къ слѣдующему важному выводу: «въ искреннемъ и взаимномъ сближеніи духовенства и народа, хоть и невѣжественнаго, лежитъ залогъ силы и преуспѣянiя для нашей родины».

в) *Помощь Богоматери.* «*Неумолчимъ никогда, Богородице, силы Твоя, глаголати недостойнии,*—такъ начинается письмо свое одинъ нижегородскій священникъ. «Опытами многоразличныхъ чудесъ и исцѣленій, являемыхъ отъ честнаго иконы Богородицы, усѣяна, можно сказать, вся вселенная. Но какъ изобиліе чудотвореній болѣе и болѣе увеличиваетъ славу Чудотворящей, то неизлишне будетъ сдѣлать извѣстнымъ слѣдующій случай, рассказанный мнѣ одной почтенной женщиной Е. Е. С-вой. «У моей дочери, говорила С-ва, было дитя 3-хъ годовъ; но, къ общему нашему прискорбію, это дитя, отъ болѣзни ли, отъ другихъ ли какихъ причинъ, не привставало на ножки; да и никакой надежды не было, чтобы дитя стало ходить; всѣ мы думали, что дитя останется на вѣкъ калекой. Но вотъ какое чудо сдѣлалось: въ великомъ посту въ наше село Л. принесена была чудотворная икона владимірской оранской Божіей Матери. Святую икону приняли мы въ домъ свой, чтобъ отслужить молебенъ. По окончаніи молебна, служащую братію упросили мы напитокъ чаю. Въ то время какъ я занималась угощеніемъ чаемъ, мужъ взялъ на руки жалкое дитя и отправился въ ту комнату, гдѣ стояла икона. Молясь объ исцѣленіи дитяти, мужъ мой заставлялъ и младенца молиться предъ Царицею не-

бесною. Какая же дивная благодать послѣдовала вслѣдъ за этимъ? Младенецъ, будучи на рукахъ дѣдушки, лишь успѣлъ приложиться къ чудному образу, тутъ же всталъ на ножки и, съ сей минуты, пошелъ такъ твердо, что никакъ нельзя было подумать, чтобы это была первая попытка ходить. Мы объаты были благоговѣйнымъ трепетомъ, всѣмъ семействомъ залились слезами, благодаря и сердцемъ и устами великую гостью». Какое чудное назиданіе для тѣхъ родителей, кои имѣютъ у себя несчастныхъ — больныхъ и увѣчныхъ дѣтей. По истинѣ, никто притекающей съ вѣрою и искреннимъ усердіемъ къ Препоблагословенной, посрамленъ отъ Нея не отходитъ».

III.

ПИСЬМА ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА.

90. *До пана гетмана.*

Его милость о. архимандритъ Овруцкій, не могучи на архимандріи своей спокойного мѣти пожитка и знищеній оразъ ордами и ляхами, утративши челядь, которыхъ позабіяно и речи его побрано, запустился билъ на поклоненіе мѣсцамъ святымъ до Кіева, же мой рукоположенецъ посѣтилъ мя яко сынъ отца и бѣди свои вичалъ. Его милость теди якъ человѣка зацного и въ церкви Божой заслужоного рачь вельможность твоя вдячне приняти и ему яко годному вѣры вѣру во всемъ дати ¹.

91. *Къ его милости, отцу архимандриту печерскому 1671 года 13 мая.*

Слава Господу Богу, что наша старая вѣра имѣеть двѣ опоры. Дай премудрому вино и премудрѣйшіи будетъ,

¹. Письмо писано о блаж. Макаріѣ Овруцкомъ. Ограбленіе и опустошеніе овруцкой обители совершено конечно въ то же время, какъ полковникъ Пиво ограбилъ имѣнія братскаго монастыря и убилъ нѣсколькихъ монаховъ, что было 3 мая 1671 г. Памят. кiev. ком. II, 257—266.

дай мудрому поводъ и мудрость его умножится.—Моя *мъра* приняла на себя видъ того камешка, которымъ точатъ косы: посредствомъ ея доказательства противниковъ нашихъ, какъ трава, лягутъ. Пусть же старая въра поддерживается опорю пречестности твоей и моею;—правда, опора моя изъ тростника, но люди употребляютъ и такія. У пречестности твоей доказательства сильнѣйшія изъ исторій, не имѣя которыхъ трудно было созидать безъ нихъ. Аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, и трижды и четырежды; дышаль Духъ, идѣже хотѣль. Сочиненіе предостойное! Не стыдно пречестности твоей и подписаться своимъ именемъ подъ произведеніемъ своимъ. Надобно только слогъ смягчить, тѣмъ болѣе, что самый предметъ настоятельно этаго требуетъ; пусть себѣ они сердятся на авторъ, откуда это заимствовано, а колкостей не примѣшивать; самый предметъ доведетъ до безсилія противника; нѣсколько рѣзкій слогъ можетъ повредить нашимъ православнымъ въ тамошнихъ краяхъ. Мнѣ ни какъ не возможно трудъ пречестности твоей соединить съ моимъ трудомъ. Если бы это была часть, то можно бы было и присоединить; но такое превосходное, полное, сочиненіе, по всей справедливости достойно и праведно, прилично и для церкви полезно издать въ свѣтъ во всемъ его составѣ; но пусть впередъ идетъ мое, какъ слабѣйшее, ибо и природа начинается съ менѣе совершеннаго и постепенно достигаетъ совершеннѣйшаго;—заря предшествуетъ солнцу. Мнѣ самому жаль трудовъ пречестности твоей,

для того, чтобы цѣлое замѣнить частію, или изъ двухъ полныхъ сочиненій составить сводъ:—дѣло это требуетъ труда обширнаго, и не по моимъ оно слабымъ силамъ. Довлѣтъ, чтобы трудъ этотъ, какъ необходимый для церкви Божіей, вышелъ полностью подъ именемъ твоей пречестности. Мой трудъ—шенокъ противъ льва; но пусть и онъ твякаетъ на супостата, а потомъ зареветъ левъ, а между тѣмъ Богъ затрубитъ моими, или паче своими трубами; мнѣ съ моимъ слабѣйшимъ трудомъ не поровняться; но жаль работы, надъ которою трудился полтора года. У меня слабаго не спѣшно шло дѣло, потому что все хворалъ, а у твоей пречестности и довольно скоро и довольно хорошо (пишу безъ лести). Все основано на историческихъ свидѣтельствахъ; желательно только, чтобы слова были нѣжнѣе ея и онѣ будутъ обнаженными мечами (Псал. LIV, 22); вся сила въ доказательствахъ;—а за нихъ трудно на автора злиться. Искренно желаю и именемъ всей церкви убѣдительнѣйше прошу пречестность твою, чтобы ты, воспламеняясь Духомъ Божиимъ, выжегъ этотъ куколь; въ противномъ случаѣ, чего избави Богъ,—не быть совершенной о святомъ Духѣ истинѣ, которую самъ Духъ святой написалъ перомъ твоей пречестности. На благопоспѣшеніе дѣлу архіерейское мое благословеніе.

92. Къ отцу архимандриту овручскому мая 16
1671 года.

Весьма соболѣзную о томъ приключеніи, котораго вы и отклонить не могли. Въ озлобленіи этомъ ищите утѣ-

шенія въ одномъ Богѣ, который кого любитъ, того и наказываетъ. Вы находитесь какъ роза между шипами: она растетъ между ними, а они ей ни чуть вредить не могутъ; будете долго еще процвѣтать въ церкви Божіей,—какъ въ вертоградѣ,—доколѣ не достигнете небеснаго.—И Христось не легко приобрѣлъ тотъ вѣнецъ, которымъ теперь Онъ украшенъ; сперва на земли перенесъ терновыя на главѣ Своей колючки, и за тѣмъ получилъ на небеси вѣнецъ не увядаемый.—Умѣетъ Господь избавить благочестивыхъ отъ искушенія (2 Петр. II, 9). Много золь праведнику, но Господь отъ всѣхъ избавить его (Псал. XXXIII, 20). Крѣпко хотѣлось мнѣ жить по пріятельски съ вами у всемилостиваго Спаса, или гдѣ бы вамъ понравилось; но теперь этихъ лыкъ не дерутъ уже; прежде гораздо удобнѣе было отыскать мѣсто, нежели теперь; въ настоящее время и сами ѣдимъ хлѣбъ въ изнуреніи (Пс. CXXXVI, 2), но готовы подѣлиться съ вами тѣмъ же, потому что другаго нигдѣ нѣтъ, развѣ только тамъ, гдѣ ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе.—Желаю вамъ послѣ многихъ лѣтъ многихъ обитателей въ небѣ, и съ молитвами моими благословеніе препосылаю.

*93. Къ отцу архимандриту слуцкому¹
рекомендательное.*

Отъ святѣйшаго патріарха іерусалимскаго ѣдетъ его милость, высокопреподобный отецъ Діонисій, архимандритъ,

¹. Изъ дозволительной грамоты митрополита Іосифа Нелюбовича Тукальскаго Іоанникію Голятовскому на напечатаніе книги Мессія правдивый, 1669 года, видно, что намѣстникомъ митрополіи въ княжествѣ литовскомъ и

за милостынею на искупленіе гроба Господня;—заразуюмъ—въ Польшу, за деньгами—въ Литву, до погони ² литовской и онъ погоняеть, чтобы загнать что либо.—Ваша пречестность, какъ намѣстникъ митрополита въ великомъ княжествѣ литовскомъ, благоволите приказать выдать ему открытый листъ, чтобы каждый по православному благочестію соблаговолилъ оказывать ему пособіе и выпустить изъ мѣшечнаго хранилища, какъ изъ троянскаго коня, на искупленіе гроба Господня рыцарей ³. Засимъ посылаю мое благословеніе.

*94. Къ отцу архимандриту печерскому іюня 1
1671 года.*

Удовольствіе, которое по временамъ доставляла мнѣ аполлонова лира (лютна), по милости Божіей и Его Ма-

архимандритомъ братскаго преображенскаго монастыря въ г. Слуцкѣ былъ: **Феодосій Васильевичъ** († марта 11, 1678 г.).—Св. **Димитрій** митрополить ростовскій стр. 10 и 11.

² **Rogonia**.—Такъ въ геральдикѣ польской назывался гербъ княжества литовскаго.—Онъ изображалъ вооруженнаго рыцаря въ шлемѣ (по петра саиктъ: серебромъ) на бѣломъ скачущемъ конѣ; сѣдло на немъ и чепракъ красные, опущенные до конскихъ копытъ, съ тремя золотыми кистями, въ красномъ полѣ; въ правой рукѣ рыцаря обнаженный мечъ, поднятый въ гору, какъ будто на поражение, а на боку лѣвой щитъ съ двумя золотыми крестами, соединенными въ одинъ. Гербъ сей употреблялся и по происхожденію отъ в. князей литовскихъ, принадлежали къ нему: князья Вышневскіе, Збараскіе, Чарторійскіе, Карецкіе, Сангунаи и прочіе. Нѣсецкій, *копна polska*, л. 7—10.

³ Дукаты или галеры.

тери, за благословеніемъ твоей пречестности и стараніемъ скорописца моего оканчивается.—Теперь наступаетъ забота; но

Дѣлу время,—и потѣхъ часъ.

Только послѣ радости не послѣдовала ли бы печаль; а послѣдовала бы, сохрани Богъ, когда бъ и по сіе время не двинулось впередъ наше дѣло, потребное для Божіей церкви. Написалъ я по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ, хотя и скуднымъ умомъ моимъ (съ малостію соли).—Я признаю, что вы соль земли, а потому и послалъ къ вамъ для приправы; но естли соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлать ее соленою? Она уже ни къ чему годна не будетъ, какъ развѣ выбросить ее вонъ, подъ ноги людямъ (Матѣ. V, 13).—Въ лаврѣ богатой царицы небесной есть не только, гдѣ и чѣмъ приправить, но и самую яству готовить. Дѣйствіемъ святаго Духа, который сошелъ на пречестность твою—стража ея, умъ и способности пречестности твоей и довольно скоро, и довольно хорошо предложили ее (яству); но поелику ревность снѣдаетъ (Псал. LXVIII, 10); то приложили кое-что изъ кореньевъ и горькаго перцу.—Зная, что это будетъ не по вкусу нашихъ противниковъ и (опасаясь), чтобы они не угостили насъ еще большими пряностями и, помилуй Богъ, чтобы не дать и мѣсту, и нашимъ православнымъ меча къ большей ненависти противъ себя, мое всегда было и теперь такое убѣжденіе, чтобы отражать ихъ миролюбно, и чтобы

они приняли это съ уваженіемъ;—самый предметъ важенъ, который если займетъ ихъ, то и побѣда наша. И такъ, пускай *мъра* моихъ ночныхъ и дневныхъ занятій, какъ ночная птица, запоетъ прежде; сова кричитъ на кровлѣ, предвѣщаетъ близкую смерть старой вѣрѣ ¹, сперва въ одно ухо противникамъ, а потомъ въ оба уха затрубить громкими голосами многихъ авторовъ трубы твоей пречестности, или запоютъ другія какія, оглашающія ихъ (противниковъ) птички.—Сложивши цѣлое съ цѣлымъ составится большая груда камней для пращъ православнымъ, и отцамъ и дѣтямъ, на пораженіе противниковъ.—Отъ имени всей церкви благодарю твою пречестность, что ты смотря на мои тростинки, и будучи самъ высокимъ кедромъ въ церкви Божіей, подарилъ церкви Божіей столь мощную подпору. Лучше же, какъ вошло и въ обыкновеніе, ходить съ тростями, чтобъ ими можно было обороняться отъ бѣшеной собаки, пока кто не подастъ крѣпчайшей подпору. Пусть они знаютъ, что въ церковномъ раѣ, какъ въ плодоносной дубравѣ, растутъ различные жезлы противъ супостатовъ; пусть идутъ на это и мои тростинки и твоей пречестности кедры и финики; должно не минуть лба противника; пусть наша не болить болѣе объ этомъ голова, а въ особенности моя колтуноватая отъ этой мѣры страдаетъ чрезъ мѣрно. И такъ

¹. Сочиненіе езуита Боимы.

о имени Господнемъ и Его Матери благослови мѣрять
заразь эту *мѣру* въ типографіи; на что и я архіерейское
мое съ молитвами и услугами посылаю благословіе.

Одобрено цензурою. Черниговъ, 23 Сентября 1863 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЧЕРНИГОВСКАГО ИЛЫНСКАГО МОНАСТЫРЯ.